

СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

А. Г. Иванов, А. А. Целыковский

Липецкий государственный технический университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Аннотация: в статье современная мифология и идеология представлены как схожие феномены, способные быть важными факторами социально-политического развития, регуляторами общественной жизни. И в идеологии, и в социальной мифологии выделяются два уровня, сочетание которых обеспечивает успех и долговременное функционирование конкретным мифам и идеям, что видно на примере идеи «Третьего Рима». Делается вывод о востребованности новой социальной мифологии.

Ключевые слова: социальная мифология, идеология, мифологический архетип, «глобальный» миф, идея «Третьего Рима».

Abstract: the article considers modern mythology and ideology as similar phenomena that can be important factors in the socio-political development, regulators of social life. As in ideology, so in social mythology, there are two levels the combination of which ensures the success and long-term functioning of concrete myths and ideas. This is illustrated by the idea of «Third Rome». The conclusion is made about the demand for new social mythology.

Key words: social mythology, ideology, mythological archetype, «global» myth, the idea of «Third Rome».

Распад Советского Союза ознаменовал начало новой эпохи в истории России и в то же время стал причиной череды кризисных явлений. Общество, помимо социально-политических и экономических трудностей, пережило и серьезный духовный кризис, лишившись своих ценностных основ. В результате вот уже два с половиной десятилетия новое Российское государство находится в состоянии выбора пути дальнейшего развития. Политика интеграции в мировые политические и экономические структуры сменилась стремлением к поиску модели развития, отвечающей собственной идентичности. Естественно, подобные колебания внешнего и внутреннего курса обусловлены обстановкой на мировой арене, а также наличествующей политической конъюнктурой. Однако с уверенностью можно утверждать, что причина подобных процессов обусловлена особенностями национальной культуры. То есть некоторые черты современного общественного сознания, в свою очередь определяемые спецификой национального менталитета, препятствуют осуществлению тех или иных идеологических программ, тяготея, казалось бы, к забытым ценностям.

В связи с этим возникает проблема духовных регуляторов общественной жизни. Поразивший в 1990-е гг. российское общество духовный

кризис с неизбежностью спровоцировал процессы ремифологизации общественного сознания, что привело к появлению огромного количества различных социальных и политических мифов. Неудивительно, что в подобных условиях проблематика, связанная с исследованием современных форм мифотворчества, является одной из самых востребованных в современном научно-философском дискурсе. При этом на уровне обыденного сознания такие понятия, как «политическая мифология» или «мифотворчество», имеют, как правило, негативное значение, ассоциируясь с различного рода идеологическими спекуляциями, пропагандой. Аналогичная ситуация наблюдается и по отношению к идеологии. После распада СССР сам термин «идеология» приобрел в основном негативные коннотации, ассоциируясь едва ли не со всеми недостатками советской политической системы. Результатом подобной оценки роли идеологии в развитии государства и общества стала закрепленная на конституционном уровне политика деидеологизации. Однако именно отсутствие консолидирующей общенациональной идеологии, способной сплотить различные слои общества, стало одним из серьезных препятствий для осуществления позитивных преобразований и реформ.

Таким образом, вопрос поиска духовно-ценностных основ остается открытым, придавая исследуемой проблеме социальной роли мифологии и идеологии особую значимость. Выявление социальной сущности и роли мифологии и идеологии позволит не только проанализировать политическую практику, но и смоделировать ее. Отрицанию жестких идеологических догм, как правило, сопутствует недооценка факторов мифологии и идеологии в нормальном функционировании общества. Это приводит к тому, что общество, лишенное идеологического основания, оказывается дезориентированным и неспособным к нормальной социальной коммуникации и развитию. Всё это влечет за собой постепенную стагнацию и кризис, преодоление которого становится возможным при условии утверждения новых идейно-ценностных ориентиров. Отсюда следует важнейшее значение идеологии и мифологии, которые представляются не просто регуляторами общественной жизни, но факторами, во многом формирующими саму социальную реальность.

Для определения социальной роли мифологии и идеологии проанализируем взаимосвязь данных феноменов. Рассмотрим определение идеологии и ее связь с социальной мифологией и политикой в целом. Идеологию принято определять следующим образом: «понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций; не являясь религиозной по сути, идеология исходит из определенным образом познанной или «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [1, с. 405]. Таким образом, идеология по своему составу достаточно эклектична и разнородна. Идеология – это теоретически оформленная система идей, ценностей и программ действия, соз-

даваемая для решения утилитарных социально-политических задач; и в то же время она включает значительный элемент иррационализма. Данную особенность идеологии можно объяснить в том числе ее активным взаимодействием с мифологией.

Необходимо сразу отметить, что на идеологическом уровне происходит активная эксплуатация некоторых свойств, присущих мифу, что ярко проявляется в мифотворческих процессах. Так, Г. Н. Оботурова считает, что распространение идеологии было исключительно важно для мифа: «мощным фактором утверждения мифологического сознания в массах является идеологическое “навязывание”, сознательная экспансия в обыденное сознание определенных идеалов и ценностей» [2, с. 29]. Для того чтобы заставить людей поверить в какую-либо идеологию, необходимо создать и распространить идею таким образом, чтобы большинство восприняло ее как свою собственную, так как восприниматься идея будет только тогда, когда будет соответствовать внутреннему ощущению мира людей и их надеждам. Именно так и происходит при использовании мифов в политике: расчет делается на то, что определенные аспекты мифов близки человеку, являются основополагающими для него. В результате обеспечивается глубокое проникновение политических мифов в общественное сознание.

Практически в любой идеологической системе содержатся мифологические архетипы и мотивы, но уже рационализированные и представленные в виде определенных теоретических концептов. Н. С. Автономова пишет по этому поводу: «В исторически сложившемся арсенале идеологии находится вся совокупность мифических образов, в которую входит библейская и античная мифология, передающийся из поколения в поколение набор “кочующих” идей, которые в силу относительно своей самостоятельности переживают некогда породившие их социальные условия и, наполняясь каждый раз новым смыслом, сохраняют тем не менее некоторую универсальную значимость. Среди этих идей-клише – идея мученичества и идея спасительства, идея потерянного и обретенного (точнее – утопически обретаемого) рая во всех ее вариациях (золотой век, обетованная земля), вины и искупления и т. д. Этот как бы вневременный арсенал средств мифического мышления может соответствующим образом активизироваться в зависимости от обстоятельств, от социальных условий» [3, с. 195].

Неизбежное воспроизведение устойчивых мифологических мотивов в рамках идеологии наводило многих авторов на мысли о сущностной близости данных феноменов вплоть до отождествления. Например, основатель структурализма К. Леви-Строс в одной из своих работ пишет: «Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [4, с. 217]. К примеру, У. Матц указывает на то, что идеология как феномен социальной реальности появляется в эпоху Нового времени, в период масштабного духовного кризиса. Он говорит, что «век идеологий» наступает после того, как религия в качестве доминиру-

ющей формы общественного сознания начинает терять свои позиции. С нарастанием процесса секуляризации и рационализации общественного сознания идеология вытесняет религиозное сознание, превращаясь в светский онаученный вариант религии, по выражению Матца, в «эрзац-религию». Он замечает: «Идеология есть в принципе религиозно мотивированная, но по своему содержанию секуляризирующая система ориентаций» [5, с. 133].

Действительно, чем активнее происходят секуляризация и рационализация, тем большим становится социально-политическое значение идеологии как способа понимания и осмысления действительности. Идеология возникает вместе с классовым обществом, поэтому она приобретает классовый характер. Тот класс, который господствует материально, господствует и идеологически. С точки зрения К. Маркса, «класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу». [6, с. 430]. В марксизме применение понятия идеологии не ограничивалось одной лишь политической сферой. Фактически понятие идеологии было тождественным понятию общественного сознания.

В XX в. идеологию стали интерпретировать лишь через призму политики, неотъемлемым элементом которой выступают пропаганда и агитация. Особенности современных идеологий обуславливаются тем, что в настоящее время зачастую происходит смешение или даже отождествление тех или иных политических программ с идеологией, т. е. отсутствует четкое разделение политической и идеологической сфер. Это приводит к тому, что идеологиями начинают считать любые более или менее ясные направления политических действий. В современном мире в большинстве государств имеет место скорее опосредованное влияние идеологии на развитие общества. Такое влияние обусловлено функционированием институтов представительной демократии, в которых представлены интересы отдельных политических партий. Исключение составляют государства с тоталитарными режимами, либо тяготеющие к теократии некоторые ближневосточные страны. Однако такое влияние идеологий можно назвать явным, институционализированным; при этом также следует учитывать сохраняющееся действие идеологических установок, берущих свое начало в истории становления нации, государства, класса.

Ряд исследователей [7–8] выделяют в идеологии два уровня – ценностно-нормативный и операциональный. Если первый уровень включает в себя идеальные универсальные конструкции (авторитарные тексты и рукописи, публикации, имеющие большое значение для общества), а также «сильное ядро утопического мышления» [8, с. 135]; то операциональный уровень идеологии связан с повседневностью, социальной психологией, включает в себя психический склад, под которым подразумевается «устойчивое образование типа социального или национального характера, а также нравы, традиции, обычаю, вкус» [там же, с. 136].

Так, В. Н. Первушина заключает, что два уровня идеологии тесно взаимосвязаны: «Идеология не может стать универсальной, если не “овладеет массами”, а ее ценностно-нормативное ядро не будет воспринято, если оно не пережито на уровне группового и индивидуального поведения, не станет привычкой и не трансформируется в обычаи и традиции, не будет проявляться в массовых типичных ситуациях рутинной жизни, не приобретет характера стереотипа» [там же].

Здесь мы вплотную подходим к вопросу сущности политической мифологии. Что представляет собой современная социальная и политическая мифология и каким образом она связана с идеологией? Формирование современной политической мифологии начинается с рационализации общественного сознания и разрушения целостной системы архаической мифологии. Мифологические архетипы, воплощающие в себе огромный социокультурный опыт, а также программы социального поведения, воспроизводятся в политическом дискурсе в рамках идеологической системы. Интерпретация политического события в соответствии с мифологическими символами-архетипами позволяет создавать ощущение сакральности происходящего. Поэтому политические мифы, апеллирующие к бессознательному, имеют подчас большее влияние на массовое сознание, чем рациональная аргументация или четкая программа действий. Всё это приводит к тому, что современный политический миф в некоторых ситуациях (например, в ситуации социально-политической нестабильности и кризиса) становится действеннее и эффективнее идеологии. Мифологические архетипы, таким образом, играют роль своеобразных ориентиров в смысловом пространстве социальной реальности. Индивид в процессе социализации неизбежно усваивает их вместе с культурными традициями и системой ценностей.

Фактически современная мифология являет собой идеологический конструкт, но с доминированием иррационального компонента. То есть в структуре современного мифа можно выделить два компонента или уровня. Первый уровень – «архаический» – представляет собой совокупность устойчивых мифологических архетипов. Эти архетипические образы и сюжеты имплицитно присутствуют на уровне менталитета и составляют фундамент любого политического мифа. На втором уровне происходят рационально-теоретическая обработка исходных мифологических архетипов и их трансформация в четко сформулированные идеи, концепты и программы действия. Данный уровень можно назвать «конъюнктурным», поскольку здесь базовые мифологические архетипы интерпретируются исходя из конъюнктурного интереса идеологов-мифотворцев. Это своего рода «вершина айсберга», основания же политического или социального мифа уходят в глубины народной психологии и менталитета.

Выделение «архаического» и «конъюнктурного» уровней современной социальной мифологии, как и в случае с идеологией, предполагает, что между этими уровнями существует взаимосвязь, взаимодействие. Яркими примерами, иллюстрирующими такое взаимодействие, являются

мифы, которые мы назовем «глобальными». К ним можно отнести миф Просвещения, миф о вечном возвращении, миф о герое. Такие мифы воздействуют на общество как бы на двух уровнях: восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. Так, в мифе о герое, актуальном практически во все времена, можно выделить, с одной стороны, ядро архетипического образа (происхождение героя, качества героя, предназначение героя, взаимодействие героя со сверхъестественными силами, борьба героя с врагами, испытания героя и т. п.), относящегося к «архаическому» уровню социальной мифологии; с другой – конкретные коннотации образа героя, продиктованные текущими общественными процессами. В частности, отмечается, что в российском общественном сознании миф о герое имеет ряд поправок, среди которых выделим следующую: «герой – это всегда лидер протеста против бездушной государственной машины, которую он ради общего блага призван победить и подчинить своей воле» [9, с. 98].

Из всего этого следует, что в современной социальной мифологии значительное место занимает идеология, что сближает ее с любой из современных форм общественного сознания и, особенно, с политикой. Между тем политическая сфера общественной жизни лишь предоставляет возможность наиболее полно увидеть практические проявления социальной мифологии, и социальная мифология не должна сводиться только к политико-идеологической практике.

Идеология и мифология – морфологически и функционально схожие феномены. Они являются смыслообразующими системами, которые должны содействовать интеграции и коммуникации участников социально-политических процессов. Взаимодействие мифологии (базовых символов-архетипов) и идеологии позволяет последней увеличивать коммуникативные возможности. Современная идеология, мифологизируясь, увеличивает свою эффективность, действуя, в том числе, и на бессознательном уровне, находя эмоциональный отклик и не требуя рационального осмысления.

Взаимодействие идеологии и мифологии позволяет не только формулировать определенные ценности и программы действия, но и сохранять и транслировать культурно-исторический опыт в целом, тем самым формируя национальное сознание, менталитет. В этом смысле комплекс устойчивых культурных и социальных мифов становится базисом, на котором формируется общенациональная идеология. То есть миф выступает своеобразным духовно-ценностным каркасом для оформления национальной идеологии.

Для иллюстрации сказанного обратимся к конкретному примеру. В русской истории есть ярчайшие примеры того, как мифологические архетипы, воплощенные в виде идеологической системы, становились значимыми компонентами национальной идентичности и самосознания. Характерной чертой русской философской и общественно-политической мысли является убежденность в существовании особой исторической миссии русского народа. В частности, Н. А. Бердяев утверждал,

что характерной чертой русского национального сознания является мессианизм. Религиозный феномен мессианизма имеет глубокие мифологические корни, являя собой, по сути, переосмысленные мифологическим архетипом героя воплощения глобального мифа о герое-искупителе.

Пытаясь отыскать истоки мессианского сознания, Бердяев указывает на православное христианство. По его мнению, принятие православия предопределило развитие духовной культуры русского народа. Можно сказать, что православная вера стала детерминантой формирования национального менталитета. Христианская эсхатология и провиденциализм вместе с православием вошли в русскую духовную культуру, трансформировавшись со временем в мессианские идеи. Устремленность к высшим идеалам и ценностям, жертвенность, готовность переносить страдания и лишения ради веры и высших идеалов стали характерными чертами русского менталитета. Таким образом, пробуждение мессианского сознания связано, прежде всего, с последствиями принятия православия. Кроме того, принятие православия отдалило Россию от католической Европы. Поэтому русский народ никогда не считал свою страну частью европейского культурного пространства, веря в существование собственного, уникального пути развития.

Пробуждению и утверждению в русском менталитете мессианизма способствовала также уникальная историческая обстановка. Совершив свой религиозный выбор в пользу православия, Россия сблизилась с Византийской империей. Ощущение духовной связи с православной Византией, в конечном счете, трансформировалось в идею преемственности. Поэтому крушение Константинополя (Второго Рима) позволило Москве объявить себя Третьим Римом, т. е. наследницей Византии. Именно в форме идеологической доктрины «Москва – Третий Рим» идея мессианизма получила свое законченное воплощение. Это доктрина оформилась на рубеже XV–XVI вв., в период образования единого централизованного Московского государства. Убеждение в исключительном положении России в мировой цивилизации стало одной из основных и неотъемлемых черт, как для русской философской мысли, так и для национального самосознания вообще.

Реализация мессианского архетипа в данном случае была настолько успешной, что мессианизм (уверенность в собственной уникальности, а также в уникальности своего исторического пути) для России становится устойчивой и значимой мировоззренческой составляющей.

Удачная идеологическая интерпретация сложившейся политической ситуации позволила актуализироваться мессианскому архетипу и сформировать устойчивый политический миф, который со временем станет важным компонентом национального политического сознания. В начале XVIII в. по причине прозападной политики Петра Великого мессианская идея уходит в тень, однако в следующем столетии вновь актуализируется в доктринах славянофильства и панславизма, а затем и в виде советской коммунистической идеологии.

Тот же Н. А. Бердяев считал, что успех коммунистического учения обусловлен его мессианским характером. Философ не просто проводит аналогию между мессианской идеей «Третьего Рима» и коммунистической идеологией, он говорит о единых истоках русского религиозного мессианизма и русского коммунизма. По его словам, «марксизм есть не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики, марксизм есть также учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек не будет уже зависеть от экономики, о мощи и победе человека над иррациональными силами природы и общества. Душа марксизма тут, а не в экономическом детерминизме» [10, с. 229–230].

Приведенные примеры демонстрируют, что идеология и политическая мифология действительно выступают значимыми явлениями социально-политической жизни. Будучи схожими феноменами, они выполняют разные функции, точнее на разных уровнях социального бытия. Основное назначение идеологии заключается в коммуникации власти и общества, трансляции ценностей, а также в выработке стратегий социально-политического развития. Однако идеологию невозможно просто «придумать». Она формируется на базе существующей культурной и духовной традиции, в противном случае она не вызывает эмоционального отклика у широких масс. То есть идеологии как средству контроля и манипуляции общественным сознанием необходимо иметь прочный идейно-ценностный фундамент. Элите важно не просто транслировать политические цели и задачи, но и встраивать их в определенную систему ценностей. Лишь в таком случае элита может рассчитывать на ответный сигнал различных слоев общества в виде готовности участвовать реализации политических преобразований. Идеология, как ценностно-образующая сила, чья функция состоит в мобилизации широких масс на определенные действия, зачастую требует не рационального понимания, а именно веры. Например, в традиционалистских или тоталитарных обществах, где значение идеологии достаточно велико, она приобретает явное сходство с мифологией и религией, фактически заменяя религиозный культ. Отсюда следует, что решение проблем, сопутствующих изменениям в функционировании общества и государства выводит на операциональный уровень процессы мифотворчества и мифологизации. «Будучи специально разработан и внедрен в общественное сознание, миф вполне способен превратиться в операционный инструмент практической политики для достижения той или иной политической цели» [11, с. 66]. Объясняется это возникновением в конкретной среде жажды изменений, насущной потребности в новой мифологии, новом герое, который будет действовать по-новому, создаст новую реальность, изменит существующее положение вещей и, в конечном счете, придаст старой форме новое содержание или заполнит эту пустую, опустошенную форму новым содержанием. Новый миф, новую социальную мифологию можно уподобить процессу модернизации, причем эта мифология идей предстает как

некая «модернизация в головах». Возможно, именно такая – «идейная» – модернизация, а не политическая и экономическая, и необходима, в первую очередь, многим современным государствам. И, возможно, наша страна не является исключением.

Литература

1. Грицанов А. А. Идеология / А. А. Грицанов // Новейший философский словарь. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 405–406.
2. Оботурова Г. Н. Миф в структуре познания и деятельности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Г. Н. Оботурова. – М., 1999. – 41 с.
3. Автономова Н. С. Разум. Рассудок. Рациональность / Н. С. Автономова. – М. : Наука, 1988. – 286 с.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М. : Академ. Проект, 2008. – 555 с.
5. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1. – С. 130–142.
6. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс // Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. – М. : Академ. Проект, 2010. – С. 388–472.
7. Malesevic S. Identity as Ideology : Understanding Ethnicity & Nationalism / S. Malesevic. – Hampshire ; New York : PALGRAVE MACMILLAN, 2006. – 253 p.
8. Первушина В. Н. Идеология в современной России / В. Н. Первушина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Философия. – 2015. – № 2. – С. 132–139.
9. Орлов С. Б. Мифологема «Сталин». Образ вождя как системообразующий фактор российского общественного сознания / С. Б. Орлов, Д. В. Чернышников // Свободная мысль. – 2011. – № 12. – С. 95–102.
10. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Сварог и К., 1997. – 415 с.
11. Косошин А. А. Очерк политики как феномена общественной жизни. Ее внутригосударственные и международные измерения, взаимоотношения с идеологией, наукой, разведкой / А. А. Косошин. – М. : Культурная революция, 2007. – 96 с.

Липецкий государственный технический университет

*Иванов А. Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии
E-mail: agivanov2@yandex.ru
Тел.: 8-903-866-49-75*

Цельковский А. А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии

*E-mail: alts1085@yandex.ru
Тел.: 8-910-251-63-70*

Lipetsk State Technical University

*Ivanov A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Philosophy Department
E-mail: agivanov2@yandex.ru
Tel.: 8-903-866-49-75*

Tselykovskiy A. A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Philosophy Department

*E-mail: alts1085@yandex.ru
Tel.: 8-910-251-63-70*